

Вадим АРЕФЬЕВ

Рассказы морского пехотинца

Часы от Жукова

Все дороги в госпитале отчего-то приводили меня к одному и тому же месту — главным въездным воротам. Да видно, не только меня одного...

Находишься по многочисленным заборным дорожкам, аллеям и тропам и как-то незаметно, сам собой придёшь к самому выходу. Встанешь возле него и смотришь вдаль через решётчатый въезд — не придёт ли кто. И знаешь ведь, что рано ещё для визитов, что не время, что согласно распорядку и правилам посещение в этот час не предусмотрено, а всё равно стоишь и поглядываешь: как, мол, там, на воле, здоровые люди поживают. Шибко интересно. Казалось бы, чего там: трамвай ли прозвенел, собака ли пробежала, бабушка ли с авоськой мимо проковыляла. Забавно жизнь идёт на свободе.

Так изо дня в день, да и по несколько раз на дню выбирался я к этому наблюдательному пункту и всё поглядывал, поглядывал и мысленно путешествовал за больничными стенами. Вот уж, думал я, когда выберусь, то совсем по-другому буду ходить по земле. Не просто — абы как, куда попало, в спешке и суете, а с толком, с удовольствием, с радостью и наслаждением. И уж не будет рядом со мной столько утомлённых долгими болезнями лиц, и вообще, может быть, начну я жизнь заново.

«Хорошо бы поскорей отсюда выбраться, — думал я, — и навсегда забыть сюда дорогу».

Вот и в тот день стоял я, прислонившись к самой решётке ворот, и вдыхал заборный воздух. Рядом со мной были несколько пожилых мужчин с отрешёнными лицами. Говорить ни с кем не хотелось. Да и о чём можно было бы заговорить? О своих болячках или о том, как хорошо там вдалеке.

Нет, решительно ничего внутри госпиталя интересного нет, размышлял я. Разве что вот этот одорукий старичок, весь лысый-прелысый с орденом Красного Знамени на больничной куртке.

«Без руки — это понятно, — подумал я. — А орден-то зачем?».

Старичок, уловив взгляд, тут же встрепенулся и довольно бодро направился ко мне.

— Вот вы-то мне и можете, молодой человек, — важно произнёс он.

— Чем же?

— А помогите-ка мне завести часы. Рука у меня после операции, осколок извлекли, через полвека. Хотели руку отнять, но я не дал. Что вы, говорю, одну-то фрицы на фронте отняли, а другую уж нет, не дам. Какой же я хозяин без руки? Да и как я часы-то буду носить? Он протянул мне забинтованную руку.

— Ремешок расстегните, пожалуйста.

Я снял часы и внимательно рассмотрел их. Часы назывались «Победа». Они были старые, затёртые. Завести мне их не удалось. Точнее, не понадобилось. Они были завезены до предела.

— Очень хорошие часы, молодой человек, — продолжал старичок. — Наши часы, настоящие. Мне их сам Жуков на Белорусском фронте вручал. И идут хорошо. Точно. Вы на обороте посмотрели?

Я перевернул часы.

— Вот, видите. Читайте. Я прочёл вслух: «Ивану Семёновичу Сурину от Жукова».

— Да-да. Это мне. Сурин — это я. Взводом командовал. До Берлина дошёл. Руку потерял, а часы сберёг. Правда, хорошие часы?

— Правда, — согласился я.

— Да-да. Очень хорошие, победные. Тогда всё хорошо делали: и часы, и танки...

Не раз потом возле ворот я встречал Ивана Семёновича Сурина, но ко мне он больше не подходил. Правда, улыбался при встрече. Он обращался к другим с той же просьбой. И все охотно «заводили» ему часы «Победа» и согласно кивали: дескать, часы очень хорошие и что тогда — всё хорошо делали...

Владыко

Такая поздняя в тот год была Пасха, что почти вилотную подходила ко Дню Победы. Всего несколько дней разъединило эти два больших праздника.

9 мая столичная морская пехота, как обычно, выезжала возложить венки к памятнику 64-й морской стрелковой бригаде на Лудиной горе. Это недалеко от Москвы — километров, наверное, двадцать по Волоколамскому шоссе в сторону области. Выезжали генералы, ветераны-фронтовики и мы — офицеры, те, кому по тем или иным причинам довелось в ту пору оказаться в стольном граде.

Всё было привычно и понятно — праздник есть праздник. Духовой оркестр сиял золотом начищенных труб, высокий, под два метра ростом, дирижёр играю-

В ту пору я охранял автостоянку ночного бара. Денег-то не платили по три-четыре месяца, а надо было как-то кормить семью.

А тогда, в тот день, мы собрались на большой праздник. Мы возложили венки у Вечного огня. Мы с ликованием и радостью, мол, знай наших, посмотрели морпеховскую показуху с рукопашным боем, пулемётно-автоматной стрельбой, с разламыванием кирпичей и разбиванием о голову пустых бутылок, и только уж потом, далее, собрались у столов с тем, чтобы как положено...

В той поездке с нами был Владыко — митрополит. Он отслужил по всем погибшим заупокойную литию и вместе с нами приехал на место празднования.

— Христос воскрес! — воскликнул он, когда победные тосты отзвучали, и ему предоставили слово.

— Воистину воскрес! — дружно ответили мы.

Затем Владыко пригласил нас в монастырь. Возникло ещё одно застолье. А поскольку минувшую ночь я не спал, то водка сыграла свою роль. И когда подали кофе, то я нечаянно зацепил чашку рукавом и чуть было не облил митрополита, который сидел за столом напротив меня. Он даже привстал, чтобы одежды его не пострадала. Всё это было воспринято тогда как мелочь и пустяк, и памятный вечер, само собой, прошёл в победных тостах и заздравных пожеланиях.

На следующий день я позвонил своему товарищу из штаба ВМФ, который тоже был на том празднике.

жёрами. Духовно окормлял тот морской поход наш Владыко. На борту прошло крещение курсантов и экипажа. В столице острова Корфу — Керкире — состоялся крёстный ход к храму Святого Спиридона. Много было экскурсий и встреч.

Только вечером мне представился случай поговорить с глазу на глаз с митрополитом.

— Владыко, — в завершение сказал я, — этой весной в монастыре я нечаянно чуть было не облил вас кофе. Простите.

Он посмотрел на меня ласково и нежно. — Да что вы? Ведь я этого совсем и не помню.

А затем прошло ещё несколько лет. И вновь мне довелось встретиться с Владыкой в Кремле на торжествах, посвящённых 2000-летию Рождества Христова. Когда я подходил к нему под благословение, то невольно думал, вспомнит ли он меня — столько людей постоянно вокруг него, столько лиц.

— А вы совсем не изменились, — сказал Владыко, — всё такой же, как и на Корфу.

Разъезд №3

На этом полустанке наш поезд задержался лишь на миг, всего на несколько секунд, для того, должно быть, чтобы выгрузить почту. Именно тут из окна тамбура я увидел пятерых малышей — трёх мальчуганов и двух девчушек, которые грозили мне своими маленькими кулачками.

«Почему?» — спросил я себя. Ведь дети так любят махать проходящим поездам, а эти — грозят...

Наверняка они переиграли уже во все свои игры, и теперь единственным их развлечением было встречать поезда и посыпать безмолвный укор счастливым едущим вдаль пассажирам.

«Не обидел ли кто их? — подумал я. — А может быть, это плата за безразличие тех, кто проезжал здесь раньше?»

Мной вдруг овладела грусть оттого, что я никогда не узнаю, чьи это дети, кого и как долго они ещё будут ждать, выглядывая в окно своего старого одноэтажного дома. Мне захотелось хоть чем-то порадовать их.

Но что я мог для них сделать? Что оставить после себя?..

Поезд тем временем отпустил тормоза и легко тронул, и в ответ на детские угрозы я прощально махнул ребятишкам рукой и так же прощально улыбнулся. Домик их начал отдаляться, а я всё махал и махал — чем дальше, тем сильнее. И когда лица

ребят стали едва различимы, я вдруг увидел, что детские кулачки один за другим стали разжиматься и затрепетали ладошками, провожая меня...

Кругом расстилалась пасмурная степь с седым ковылём и предгорьями по горизонту. Капли дождя оставляли длинные росчерки на окнах вагона, я всё дальше и дальше уезжал от этих мест на свою далёкую службу. Но весь день, несмотря на обилие пейзажей, нет-нет да и вспоминались мне теснящиеся в окне, точно опята, темноволосые головы казачат, что живут в сиротливо стоящем среди степей доме, под крышей которого висит табличка с простым и сухим названием «Разъезд №3».

